

Научный семинар «К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах»

О.Э. Балалаева, В.И. Харитонова

Научный семинар «К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах» (*“Reassessing Religion in Siberia and Neighbouring Regions”*)¹ был организован Институтом социальной антропологии им. Макса Планка и проходил в г. Халле (Германия) с 6 по 8 декабря 2006 г. Семинар подготовили сотрудники института Отто Хабек (координатор), Вирджиния Ватте и Агнешка Халемба.

Несмотря на то, что работа семинара была сконцентрирована на проблемах религиозных трансформаций в сибирской части РФ, его рабочим языком был английский. Круг специалистов также составляли по большей части западные исследователи – в основном молодые, начинающие этнологи; приглашенных из России было пятеро. Традиционная для таких собраний группа экспертов состояла только из западных антропологов, из которых единственным, кто посещал в последние годы Россию, был П. Витебски.

Работа организовывалась по принципу тематических сессий, которых было восемь. Однако прозвучавшие на семинаре доклады можно – с достаточной долей условности – разделить на три группы: исследования современного (нео)шаманизма на Крайнем Севере, в Сибири и северной Монголии, материалы по религиозной ситуации в различных районах Сибири и работы теоретической направленности.

Семинар открылся выступлением Роберты Амайон (Франция) на тему «Может ли шаманизм стать самостоятельной религией и использоваться в манифестации идентичности и в адаптационных процессах в постсоветской Сибири?» (*“Can shamanism become an autonomous religion and meet both identity claims and adaptation needs in post-soviet Siberia?”*). Цель этой сугубо теоретической работы, основанной на данных полевых исследований учеников профессора Амайон, – системный анализ шаманизма в современном общественно-политическом контексте.

Автор констатировала, что термин «шаманизм» в последние 15 лет использовался в связи с идеологией «гармонии с природой» как символ этнической или националь-

Ольга Эдуардовна Балалаева — кандидат филологических наук, Университет Нью-Мексико, США.
Валентина Ивановна Харитонова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ной идентичности. Однако шаманизм как комплекс репрезентаций и практик не был адаптирован к тому, чтобы соответствовать требованиям национального строительства. Используя примеры Якутии и Бурятии, исследовательница описывала и комментировала проекты национального строительства, сосредоточиваясь на причинах их неуспеха.

Автор старалась ответить на следующие вопросы: Можно ли отделить шаманизм от специфического образа жизни и природного окружения? Может ли шаманская практика быть адресована духам более высокого статуса, чем духи предков или животных, и при этом сохранять «символическую действенность»? Докладчица выдвинула предположение, что неуспех в позиционировании себя как трансцендентной общности на национальном уровне объясняется отсутствием прагматических свойств у шаманизма. Эти же прагматические свойства, по мнению исследовательницы, помогают понять, почему церковь пятидесятников становится альтернативой для бывших шаманистов в постсоветском модернизированном контексте.

Проблемам современных вариантов шаманизма и связанным с этим феноменом теоретическим аспектам было посвящено, помимо выступления Р. Амайон, еще четыре доклада. Авторы трёх из них сконцентрировали свое внимание на российских материалах, а в четвертом рассматривалась ситуация северной Монголии. Это был доклад Юдит Хангартнер (Швейцария), основанный на её полевых материалах: «Экономический подтекст репутации дархатских шаманов» («The economy of reputation of Darkhad shamans»).

Исследовательница, анализируя современную ситуацию с шаманскими практиками, поставила под сомнение противопоставление дархатских традиционных шаманов, уцелевших на периферии социалистической антирелигиозной кампании, городским неошаманам. Дархатские шаманы, по её мнению, как и городские неошаманы, вовлечены в одни и те же социально-экономические процессы. Дархатские шаманы ездят в Улан-Батор и другие города Монголии, практикуя там, и репутация их как специалистов у горожан очень высока. В родных селениях они, наоборот, должны выдерживать бешеную конкуренцию. При этом они подвергаются критике со стороны соплеменников за поездки в город. Как и городские неошаманы, дархатские шаманы с установившейся репутацией должны участвовать в конкурентной борьбе.

Внимание двух других докладчиков привлекли современные бурятские неошаманы.

Анна Бернштейн (США) в докладе «От дикаря к бизнесмену: шаманские трансформации в Бурятии, Россия» (“From wild men to businessmen: shamanic transformations in Buryatia, Russia”) проанализировала существующие стратегии ревитализации шаманизма как мировой религии, включающие традиционные ритуалы и представления для туристов, идентификацию и повторное обретение священных мест, создание новых иконографий и систематизацию устных шаманских традиций путем архивных исследований для конструирования этнической идентичности. В докладе отстаивалась точка зрения на бурятский шаманизм как фундаментально современное явление, отличное от предшествующего ему историко-культурного феномена; явле-

ние, основанное на коллективной памяти, национальном возрождении и селективном прочтении историко-этнографических материалов.

Доклад сопровождался демонстрацией документального фильма «В погоне за сибирским шаманом», основным материалом для которого послужило общение автора с живущим на Ольхоне Валентином Хагдаевым, создавшим там своеобразный вариант «возрожденного шаманизма», к чему, надо заметить, весьма неоднозначно относятся сами буряты. Иллюстрируя положения доклада, фильм показывал, как шаманы и шаманские практики в Бурятии вышли из области традиционно-ритуальной и закрытой в сферу публичной деятельности, изменяя статус и общественное восприятие шаманизма.

Доклад Желько Йокича (Австралия) «Возрождение и институционализация бурятского шаманизма и утверждение бурятской этнической и религиозной идентичности в пост-советской России» (“Revival and institutionalization of Buryat shamanism and reassertion of Buryat ethnic and religious identity in post/Soviet Russia”) имел «двухуровневую» структуру. На одном уровне прослеживалась динамика процессов, связанных с возрождением шаманских традиций в Бурятии и национальным самоопределением. На другом уровне анализировалась шаманская техника «вселения духа», которую используют буряты общества «Тэнгэри», где вел полевую работу автор, т.е. шаманизм рассматривался в аспектах психоментальности и психофизиологии, при этом автор фокусировался на явлениях транса и шаманской инициации, видя в них важнейшие элементы шаманского становления и практики. Цель данной работы – исследование генезиса, исторических трансформаций шаманизма и природы шаманского транса. Ж. Йокича интересовал также вопрос разделения собственно шаманских техник и *одержимости духами*.

Общероссийская ситуация с возрождением шаманизма была рассмотрена в докладе Валентины Харитоновой (РФ, Москва) «“Возрождение шаманизма” в пост-советском пространстве: специфика, проблемы и результаты» («The “revival of shamanism” in the post-Soviet space: specifics, problems, and results»).

В краткой теоретической преамбуле докладчица обратила внимание на важность разграничения при анализе возрожденческих процессов *шаманства* – мировоззренческих аспектов культуры, тесно связанных со жреческой деятельностью, и *шаманизма* – практики шаманов в основном в лекарской и гадательно-предсказательной сферах. Первый феномен продуцируется при «возрождении» коллективной памятью, фольклором, духовно-религиозным аспектом традиционной культуры, второй – практикой индивидов, наделенных особыми способностями, в том числе в получении шаманских знаний. Автор на широком панорамном материале трансформаций, связанных с шаманизмом, шаманством, жречеством, сформировавшимся народным целительством, продемонстрировала суть процессов «возрождения шаманизма», происходящих в России в последнюю четверть века, и остановилась на их результатах, а также проблемах, порождаемых в современном российском обществе религиозными трансформациями.

Характеризуя процессы “возрождения шаманизма”, докладчица выделила несколько вариантов, представленных в разных регионах: от эволюции традиции до довольно искусственного восстановления практик и трансформации их в «нью-эйджевском» варианте. В. Харитонова остановилась на вопросе формирования шаманских организаций и их функционировании как одном из вариантов адаптации в период пост-советских трансформаций, на вариантах прихода неопитов в неошаманизм и особенностях их деятельности, на проблемах ориентации новых шаманов на экстрасенсорное целительство и профессиональные психологические практики, а также проблемах «повышения образовательного уровня» – приобретения различных свидетельств о научных степенях и званиях, на особенностях экспорта и импорта шаманизма в современной России и др. Значительно меньше внимания (за отсутствием времени) было уделено процессам возрождения шаманства и жречества. В финале выступления было указано на полную условность термина «возрождение шаманизма», ставшего в последние годы исследовательским штампом.

Доклад сопровождался демонстрацией телефильма «Шаманы в городе» (режиссер – Л. Кичаева), который повествовал о *городском шаманизме* в Московском регионе и его непосредственных связях с шаманизмом Тувы. В фильме были представлены некоторые аспекты исследования шаманских практик и личности шамана, ведущегося «Центром по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик» при ИЭА РАН, которым руководит В. Харитонова.

С идеей возрождения шаманства связана деятельность группы «Кут-Сюр» в Якутии. Её анализу был посвящен доклад «К осмыслению религиозного разнообразия в Республике Саха (Якутия): на примере группы “Кут-Сюр”» («Re-assessing religious diversity in the Republic of Sakha (Yakutia): the case of the religious group “Kut-Syur”») (Лиля Зола, Италия). Докладчица изучала “Кут-Сюр” как модель процессов религиозного возрождения, происходящих в республике. Она проанализировала теософскую и практическую деятельность одного из идеологов группы, Л. Афанасьева, создавшего на основе историко-этнографических источников систему религиозного неотрадиционализма. Автор рассмотрела интеллектуальные усилия по «возвращению к корням» путем реконструкции верований и шаманских практик как манифестации сопротивления культурным влияниям извне (воздействию русской культуры и культур соседних северных народов).

В нескольких докладах характеризовались отдельные аспекты религиозной ситуации Сибири. В частности, в докладе Гудрун Бухер (Германия) «Семейские – староверы в Республике Бурятия» (“Semeyskie – Old Believers in the Buryat Republic”) поднимались вопросы религиозного возрождения и культурной идентичности в старообрядческих сообществах в постсоветский период. Автор рассмотрела сегодняшнее состояние старообрядческой церкви, значение этого института и манифестации возрожденческого процесса.

Опираясь на собственные полевые материалы, Г. Бухер исследовала вопрос культурной самоидентификации семейских в свете мировоззренческих изменений,

произошедших с данной группой в последнее десятилетие. В докладе предложены критерии, позволяющие – с точки зрения автора – отличать семейских от остального русского населения Республики Бурятия.

В докладе Елены Ерохиной (РФ, Новосибирск) «Религиозные ориентации и этнические границы: на примере хакасов» (“Religious orientations and ethnic boundaries”) сделана попытка проследить связь между культурной эволюцией хакасов и сегодняшними поисками «аутентичной» религии в среде хакасской интеллигенции. Социологические исследования последних лет, проводимые среди хакасов, дают основания автору утверждать, что самой влиятельной конфессией здесь является православие. Однако православие не каноническое, а фольклорное, обогащенное символами и ритуальными элементами местных шаманских практик. Тем не менее автор доклада полагает, что сегодняшняя культурная динамика в республике характеризуется стремлением интеллектуальной элиты к конструированию национальной идентичности и поисками дохристианской традиционной религии, позволяющей дистанцироваться от «русской веры».

Религиозные изменения, связанные с развитием православия в Сибири, были рассмотрены в докладе Елены Фурсовой (РФ, Новосибирск) «Православие русских в Сибири: переоценка ценностей или возвращение к корням?» (“Orthodoxy of the Russians in Siberia: re-assessment of values or return to the origin?”). Исследовательница проанализировала общественные функции православной церкви в жизни русскоязычного населения Сибири в наши дни. Она привела аргументы, свидетельствующие о пересмотре церковью взглядов на фольклорные славянские традиции, указав, в частности, на прямое участие православных священников в возрождении традиционных культурных практик. Такой парадигматический сдвиг привел, по мнению докладчицы, к одновременной ревитализации религиозной и этнической идентичности. Е. Фурсова считает, что в новом социополитическом контексте православное сознание воспроизводится в культурных манифестациях, основанных на исторических духовных традициях славянских народов в Сибири.

Елена Головнева (РФ, Омск) в докладе «Сибирская деревня Окунево на перекрестке религий, историй и судеб» (“The Siberian village of Okunevo at the crossroads of religions, histories and destinies”) рассмотрела модель сосуществования различных конфессиональных групп (индуисты, христиане, мусульмане и неоязычники) в рамках отдельно взятой деревни. Основываясь на своих полевых наблюдениях, автор выдвинула тезис об особой религиозной толерантности постоянных и временных жителей Окунева, для которых доминирующим фактором является не конфессиональная принадлежность, а вера в сверхъестественное. Е. Головнёва высказала мнение, что подобное временное поликонфессиональное соседство представляет собой «компенсационные формы индивидуальной самореализации», т.е. имеет реабилитационную психотерапевтическую функцию, и популярность таких «религиозных центров» среди горожан в ближайшее время будет только возрастать.

Доклад «Молчаливая преемственность и сбивающие с толку перемены: замечания о религии в современных нарративах коми» (“Silent continuity and confusing changes: notes about religion in contemporary Komi oral narratives”) (соавторы: Арт

Леете, Яаника Яанитц, Пирет Кооса, Эстония) представлял собой «слегка отрефлексированное» изложение полевых материалов, собранных авторами в Республике Коми. Зафиксированные нарративы, имевшие религиозный характер, свидетельствовали о значительном влиянии православной культуры на локальную устную традицию. Тексты отражали и сегодняшние изменения конфессионального вектора – появление на территории республики новых протестантских деноминаций. Взаимоотношения между этими деноминациями, по мнению авторов, – источник недоумений и толков среди коренного населения. Выводы исследователей заключались в том, что задокументированная ими устная традиция, вопреки академическим стереотипам, не принадлежит религиозному дискурсу, а является частью индивидуальной самоидентичности.

Доклад Юлии Ковальчук (РФ, Новосибирск) «Вовлечение коренного населения Сибири в современную Пятидесятническую Церковь (на примере корейской церкви в Саяно-Алтайском регионе)» (“Siberian indigenous population’s involvement in the Pentecostal churches today (on the example of the Korean churches in the Sayan-Altay Region)”) базировался на полевых материалах автора и освещал взаимоотношения представителей коренного населения Алтая, Тувы и Хакасии с миссионерами пятидесятнического направления из Кореи. Остановившись на региональных этнокультурных различиях, автор рассмотрела процессы роста и укрепления позиций пятидесятников среди других протестантских деноминаций. Исследовательница пыталась ответить на вопрос: почему прозелитическая деятельность корейских миссионеров имеет успех, выраженный в растущем количестве последователей, в одном культурном регионе и терпит неудачу в другом?

В докладе Ольги Балалаевой и Эндрю Вигета (США) «Кризис, переход в другую веру и конфликт: Евангелическое Христианство, стремительные перемены и восточные ханты» (“Crisis, conversion and conflict: Evangelical Christianity, rapid change and the Eastern Khanty”) были использованы материалы, собранные авторами во время летних экспедиций 2004–2006 гг. в Сургутском районе среди коренного населения. Их анализ свидетельствовал о растущем влиянии в восточнохантыйском ареале евангелических протестантских церквей.

Свободные церкви ведут широкомасштабную миссионерскую деятельность в Западной Сибири начиная с конца 1980-х годов. Вначале большинство протестантских миссионеров приезжали из-за рубежа, но в настоящее время среди проповедников, занимающихся прозелитизмом, преобладают соотечественники. Протестантские церкви выходят за рамки чисто религиозных функций (богословских, евангелических и т.д.) и стремятся участвовать в социальной жизни общин коренного населения, занимая нишу, которая когда-то принадлежала государству. Авторы доклада пришли к заключению, что социальные программы, развиваемые в Сургутском районе пятидесятнической харизматической и баптистскими церквями, играют немаловажную роль в том, что часть представителей хантов и ненцев становятся неофитами, отвергая не только традиционную религию, но и православие, сыгравшее историческую роль в русификации коренного населения.

Доклад Людека Брожа (Великобритания) «Пирамиды из камней и кресты: Религиозные и разъяснительные дебаты в Республике Алтай в наши дни» (“Cairns and crosses: religious and explanatory struggles in contemporary Altai Republic”) можно отнести к группе работ теоретической направленности. В центре внимания исследователя оказались процессы религиозного возрождения в Республике Алтай, к которым он отнёс и поиски национальной религии. Последняя является самой существенной частью идеологии национального строительства. В докладе были проанализированы процессы ревитализации религии во взаимосвязи с теоретическими обоснованиями, предлагаемыми строителями новой идеологии. В анализе Л. Брож использовал концепцию «интеллектуализации» религии, ранее подвергавшуюся критике в ряде работ по антропологии религии.

В этнографической части доклада исследователь рассмотрел явление перехода в иную веру в контексте социально-экологического неблагополучия. При этом он отметил, что адепты главных конфессиональных групп в регионе, к которым относятся буддизм, православие, евангелическое христианство и бурханизм – «Ак Жанг» («Белая вера»), стремятся дать собственные объяснения негативным процессам в русле попыток упрочить положение своей церкви и привлечь новых последователей. Анализируя комментарии, данные по поводу индивидуальных случаев религиозного обращения в сельских алтайских общинах, автор обращал внимание на противоречивые интерпретации, которые в одних случаях объясняют переход в другую веру как способ предотвращения несчастья, а в других – как корень зла.

Теоретические аспекты преобладали и в докладе Джастин Бак Квихада (США) «Бог один: преемственность атеистического дискурса в бурятском религиозном возрождении» (“God is one: the continuity of atheist discourse in Buryat religious revival”). По мнению автора, современное религиозное возрождение в Бурятии основывается на представлениях о сущности и функции религии, сформированных в советское время. Опираясь на материалы архивных и полевых исследований, Д.Б. Квихада выстроила свою аргументацию на тезисе о взаимосвязи между советской дефиницией религии как абстрактной категории и сегодняшними религиозными поисками в республике. Советские атеисты считали, что все религии являются национальными вариантами одного и того же социального явления, имеют одинаковую общественную функцию. Докладчица заметила, что современный дискурс, посвященный религиозной практике, обязательно включает советские категории. Вытекающая из советского определения религии концепция «один народ – одна религия», по мнению автора, является идейной подкладкой продолжающейся дискуссии о шаманизме и буддизме как потенциальных «национальных» религиях бурятского народа. Автор пришла к выводу, будто аргумент научного атеизма об общей для всех религий социальной функции трансформировался в расхожее представление «Бог один» и служит оправданием для перехода из одной деноминации в другую, а также проведения религиозных обрядов представителями различных религиозных групп на одних и тех же священных местах. Основываясь на определении дискурса Фуко и бахтинской теории речевых жанров, Д.Б. Квихада проанализировала влияние советского дискурса на современную дискуссию о религиозном возрождении в Улан-Уде.

Выводы докладчицы были предопределены, вероятно, недостаточным знанием богатой русскоязычной исследовательской литературы по проблеме современного религиозного возрождения и особенностям использования священных мест шаманистами и буддистами. Очевидно, ей также оказался неведом современный теософско-эзотерический российский контекст с теорией Единого Бога/Абсолюта, хорошо усвоенный нынешними новообращенцами в различные веры.

Доклад Бенедикты Кристенсен (Дания) «Чистота и сила тувинского тела: мораль, сексуальность и традиция в Туве» (“The pure and strong Tuvinian body: morality, sexuality and tradition in Tuva”) был подготовлен на основе полевых наблюдений автора. Она рассказала о том, что переход к постсоциалистической действительности в республике сопровождался ростом социальных проблем, таких как алкоголизм, насилие, безработица и эпидемические болезни. Многие тувинцы, утверждала автор, интерпретируют эти проблемы как знаки утраты «традиции» и следствие разрыва с традиционными шаманскими и буддистскими моральными нормами. По материалам Б. Кристенсен, добрачные сексуальные отношения и адюльтер у тувинцев бросают тень и навлекают несчастье не только на виновницу, но и на ее семью, предков и в целом на весь народ. Случаи изнасилования «нечистых женщин» националистическими элементами или криминальными группами в целях «очищения» нации, как утверждала автор, представляют собой широко распространенное явление, а женское тело стало объектом реинтерпретации значения традиции и перемен.

Исследовательница выдвинула предположение, что в попытках вернуться к традиционной морали тувинцы «часто смешивают свою традиционную космологию с русскими, советскими и западными/глобальными ценностями». С точки зрения Б. Кристенсен, местное представление о «женской чистоте» связано с советскими/русскими моральными нормами, сводящими сексуальность к брачным и прокреативным отношениям. Центральной частью доклада был анализ того, как религиозные и социальные трансформации влияют на гендерные представления тувинцев.

Выступление вызвало нарекания из-за необоснованности выбранных категорий и шаткости аргументации, что, по мнению участников семинара, объясняется слабой этнографической базой, недостаточностью полевого и компаративного материала.

Татьяна Сафонова и Иштван Шанта (РФ, Санкт-Петербург; Венгрия) в докладе «Медведь и большая вода как способы внешнего контроля за окружающей средой у эвенков в Восточной Бурятии» (“Bear and Big Water as devices of external control for Evenki people in Eastern Buryatia”) представили эко-антропологический подход к анализу календарных ритуалов, бытующих у эвенков. Докладчики фокусировались на ритуальном поведении членов эвенкийской общины во время смены сезонов – перехода от зимы к лету. Переходный период, считают они, очень трудоемок, так как означает полную смену каждодневной хозяйственной деятельности. Чтобы справиться с этой задачей, члены общины используют приемы «внешнего контроля». Концепция авторов заключалась в том, что они рассматривали сезонные обряды, связанные с медведем и вызыванием дождя как способы контроля над окружающей

средой. Авторы пришли к выводу, что указанная ритуальная деятельность представляет собой процесс экологической координации, типичной для охотничьей культуры, в отличие, по мнению докладчиков, от социальной и авторитарной координации, присущей сельскохозяйственным народам.

Видео-доклад Андрея Виноградова (Канада) «К вопросу о кросс-культурной теории целительства» (“Towards a cross-cultural theory of healing”) – попытка критики антропологической теории. Автор доклада, ссылаясь на свой двадцатилетний исследовательский опыт (в 2003 г. он защитил магистерскую диссертацию в университете Саскачеван, Канада), выразил неудовлетворенность существующими теоретическими разработками по данному вопросу.

Докладчик предложил в качестве новой исследовательской модели собственный опыт работы с целителями, где антрополог выступает как объект своего исследования, пребывая попеременно в роли пациента, ученика хилера и, наконец, практикующего целителя, т.е. декларировал полное погружение в «целительский космос».

Основные идеи доклада формулировались следующим образом. Автор предложил концепцию «треугольника»: метод/эмпирицизм – троп/миф/сценарий – опыт/мировоззрение как ключевые «ингредиенты», одинаковые в целительской практике и теоретическом анализе. Вторая идея заключалась в неразделимости религии (в академическом и западном понимании) и целительства, которые являются производными от мифа.

Доклад вызвал некоторые недоумения (особенно тезис об универсальности телесных болезней во всех мировых культурах). Эти недоумения так и остались неразрешенными, поскольку возможность обсуждения доклада была лимитирована: А. Виноградов присутствовал «виртуально» – участниками конференции была просмотрена видеолекция, представленная автором, а дискуссия с ним была организована по телефону.

В финале последнего заседания прошла небольшая дискуссия, давшая возможность участникам семинара высказаться по отдельным вопросам. Итоги семинара подвели этнолог Пирс Витебски (Великобритания, Кембридж), религиовед Джованни да Кол (Великобритания, Кембридж); а Кристина Кель (Германия, Институт им. Макса Планка) сосредоточилась в большей степени на теоретических проблемах религиоведения.

Подобное мероприятие – не первое в рамках деятельности Сибирской группы Института им. Макса Планка. Его организаторы – известные специалисты-сибиреведы, работающие не один год в российском этнографическом поле, хорошо владеющие русским языком.

Семинары обычно бывают ориентированы на работу с молодыми исследователями, оценку которой дают представители старшего поколения, более опытные специалисты-эксперты. В этот раз установка была в некоторой степени изменена: среди участников оказались представители разных возрастных групп, имеющие различный научный статус, что, разумеется, не помешало работе семинара, а скорее, обогатило её.

Однако представляется, что в таких мероприятиях есть смысл увеличить число российских специалистов, в первую очередь в роли экспертов в финальной дискуссии; они, хорошо зная ситуацию в стране, могли бы корректировать трактуемые в выступлениях материалы и предлагаемые интерпретации. Очевидно, что эксперты, особенно вообще не работавшие в России, при всей глубине их научной эрудиции вряд ли могут увидеть некоторые странности в анализе материалов, зафиксированных исследователями в российском этнографическом поле, а также оценить степень достоверности их научных трактовок.

Дело в том, что западные ученые, особенно молодые, очень слабо представляют себе специфику советских и российских проблем. Часто они едут в поле с готовыми теоретическими замыслами, под которые далее подверстывается набираемый материал. Попытки оценивать происходящее с помощью местных переводчиков-консультантов, практически не зная российских реалий, а порой плохо владея или не владея ни одним из языков, на которых могут общаться представители изучаемых ими народов, также дают не лучшие результаты. Степень достоверности толкований получаемых материалов переводчиками, как правило, далеки от научных запросов исследователей, вряд ли может быть высокой, а порой эта достоверность страдает от личных установок помощника или заангажированности информатора.

Есть смысл обратить внимание на то, что в контексте темы семинара довольно странным выглядело его «англоязычие»: это проявилось не только в предложении одного рабочего языка, но и в невладении русским языком (как, впрочем, и языками изучаемых народов) некоторыми молодыми исследователями. Если к сказанному добавить установку на необязательность знания научной литературы, написанной на русском языке, довольно часто встречающуюся у современных молодых ученых, то становятся вполне понятными некоторые концепции и выводы, трактующие российские проблемы абстрагированно от реальности.

В целом же семинар имел большое позитивное значение для всех его участников, получивших возможность представить свои исследования и обменяться мнениями по вопросам религиозного возрождения в Сибири и сопредельных регионах. Надо отметить, что его организаторы, как и вся сибирская группа Института социальной антропологии в Халле, руководимая доктором Йоахимом Отто Хабеком, ведут большую и серьезную работу в различных сферах современного сибиреведения, привлекая к ней многочисленных специалистов из разных стран мира.

Примечания

¹ Информацию см. на сайте Института: www.eth.mpg.de